

ФИЛОСОФИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

DOI: 10.17805/zpu.2016.1.2

«Закат Европы» О. Шпенглера и возможность заката мира

А. А. ГОРЕЛОВ

(Институт философии РАН),

Т. А. ГОРЕЛОВА

(Московский гуманитарный университет)

В статье прослеживается предсказательный потенциал концепции циклического развития культуры О. Шпенглера («Закат Европы», 1918) в отношении современной динамики западной культуры, ее связей с русской культурой и влияния на глобальные процессы.

По Шпенглеру, любая культура замкнута на себя, имеет свою «душу» и «говорит на своем языке». Для создания из отдельных индивидов народа нужна внутренняя форма данной культуры, некий «душевный принцип», которым обладают все сословия. В современной западной культуре соединились в один клубок цивилизационные (мотивы воли к власти и пространственная экспансия), экономические (капитализм) и политические (идеология либерализма) причины.

В отличие от экспансивной и властной западной культуры душа русской культуры, по Шпенглеру, равнинна и безвольна, а русская воля — это «свобода от чего-то». «Душевный принцип» русской цивилизации — заключить мир в братский союз — противостоит западному — «не-свое» надо подчинить, завоевывая. Давление одной культуры на другую, навязывание чуждых ценностей и традиций провоцирует переломный момент в истории покоряемой культуры: преодолевая антинациональные элементы, она крепнет; покоряясь, становится псевдоморфозом, жалкой копией довлеющей культуры.

Последняя стадия «дряхления» культуры — техногенная цивилизация, которой достигла современная Европа, — грозит «закатом» не только ей самой, но и всему миру, потому что экспансия и агрессивность Запада вовлекли в его орбиту народы всей планеты, ставшей территорией глобальной неокolonии.

Ключевые слова: «Закат Европы»; О. Шпенглер; цивилизация; культура; народ; Европа; Россия; экспансия; неокolonизм

ВВЕДЕНИЕ

Критика западной культуры, прозвучавшая в начале XX в. в работе О. Шпенглера «Закат Европы», поразила его современников в самое сердце. Речь шла «о заде-том самолюбии вообще “современников”: правых и левых, верующих и неверующих, идеологов и богемной братии» (Свасьян, 1993: 15). Диапазон позиций критиков — от емкой оценки в афоризме Ф. Мейнеке: «Ренегат духа, подрубающий сук, на котором сидит» до бульварной ругани типа «грошовый гипсовый Наполеон» (К. Тухольский) и «тривиальный паршивый пес» (В. Бенъямин) (цит. по: там же: 16). Но вот прошло почти 100 лет с момента выхода книги, и жизнь показывает, что Шпенглер был не

только философом, ученым-культурологом и поэтом-романтиком, но и провидцем, предостерегавшим будущий конфликт западной цивилизации не только с соседними народами, например русским, но и со всем миром.

О. Шпенглер, как до него русский ученый Н. Я. Данилевский, был сторонником концепции циклического развития культур. Он считал, что отдельная культура подобно живому организму, в том числе человеку, проходит свой цикл существования от рождения до расцвета и последующего упадка и смерти. Каждая культура представляет собой своеобразный организм, имеющий свою «душу» и характерные черты, но все типы имеют нечто общее, а именно одни и те же фазы развития. Циклическая концепция противостоит представлению о линейном однонаправленном развитии всех культур с единими общечеловеческими ценностями.

Для Шпенглера «общечеловеческой морали не существует» (Шпенглер, 1993: 529), а «общеобязательность есть всегда лишь ложное заключение от себя к другим» (там же: 153). «Что общего у Толстого, — восклицает Шпенглер, — из самой глубины человечности отвергающего весь идейный мир Запада как нечто чуждое и далекое, со “Средними веками”, с Данте, с Лютером <...>?» (там же: 154). Все так называемые «всемирно-исторические» и «вечные» ценности — это ценности определенного поколения людей определенной культуры. «Феномен других культур говорит на другом языке. Для других культур существуют другие истины» (там же: 155). Попытки одной культуры навязать свои ценности другим приводят, по Шпенглеру, к губительным для культур-жертв изменениям, которые немецкий ученый назвал псевдоморфозом.

Социальная жизнь, как и жизнь живых организмов, не обладает «вовсе никакой каузальной и нравственной логикой», но имеет «тем более последовательную логику органическую» (Шпенглер, 1998: 382). Последняя столь же детерминирована, как другие виды логики, но обладает своей спецификой.

В структуре социума Шпенглер выделил наименьшую единицу — единичный род и наибольшую — народ. Народ проходит три этапа: пранарод до стадии культуры; нация на стадии культуры; феллахский народ на стадии цивилизации — «по наиболее знаменитому их примеру, египтянам после римского времени» (там же: 173).

Народ как единство характеризует степень готовности защищать свое существование. «Народ “в хорошей форме” (“in Verfassung”) — это изначально воинство, глубоко прочувствованная внутренним образом общность способных носить оружие» (там же: 379). Формирует историю воля отдельных людей, вокруг которых группируется активное меньшинство, как сказал бы Л. Н. Гумилев, — пассионариев. Через их посредство воля отдельных людей утверждается в жизни народа. На первое место в развитии бытия поставил волю немецкий философ А. Шопенгауэр в своем знаменитом труде «Мир как воля и представление» (Шопенгауэр, 1992: 392). Здесь воля находится перед представлением, так же как позже Ф. Ницше поставил волю выше интеллекта (Ницше, 1990: 2). Различие между Шопенгауэром и Ницше в том, что первый имел в виду волю к жизни, тогда как второй противопоставил ей волю к власти, соотносящуюся с волей к жизни и в то же время противоположную ей как принципиально иному виду воли, ориентированному не на существование, а на завоевание.

Для создания из отдельных индивидов народа, а на стадии культуры — нации нужна, по Шпенглеру, общая идея, внутренняя форма данной культуры, которой обладают все сословия и классы. Шпенглер называет ее «душевым принципом», который определяет все явления культуры, продуцируемые данным народом. Причем

именно коллективная душа порождает события и народы, а не наоборот. «Все великие события истории, собственно говоря, совершены народами не были, *но скорее породили на свет их самих*» (Шпенглер, 1998: 169; здесь и далее в цитатах — курсив первоисточника. — А. Г., Т. Г.). Душа народа первична, а сам он вторичен и как бы исполняет ее волю.

Западная (фаустовская, как ее называет Шпенглер) душа внезапно пробуждается в X в., когда «из саксов, швабов, франков, вестготов, лангобардов внезапно возникают немцы, французы, испанцы, итальянцы» (там же: 173). События, способствовавшие образованию народов Запада и исходившие из фаустовской души, — это Крестовые походы, всемирная торговля, а дальше капитализм и колониализм. Фаустовская душа породила императорскую династическую идею. Фаустовские нации — это династические единства. С другой стороны, «...гигантское отрицание так или иначе ограниченного чувства родины — все это есть нечто исключительно фаустовское. Такого не знает ни одна другая культура...» (Шпенглер, 1993: 523).

Говоря о своих предшественниках, Шпенглер отмечает, что, кроме И. В. Гете, он обязан почти всем Ф. Ницше. У Гете он почерпнул представление об органическом характере социальной жизни и образ Фауста как олицетворение западной культуры. У Ницше позаимствовал идею воли к власти. Шпенглер сочувственно цитирует фрагмент Ницше о высшей породе людей, «которая благодаря своему превосходству в воле, знании, богатстве и влиянии, воспользуется демократической Европой как послушнейшим и подвижнейшим орудием, чтобы взять в свои руки судьбы земли и, как художник, работать на материале “человека”» (там же: 535). Сейчас эту породу людей называют Сверхвластью (Зиновьев, 2007: 241–242). Реализовывать волю к власти требует, по Ницше, «мораль господ»; отказ от ее реализации характеризует «мораль рабов», к которой немецкий философ относит и христианство.

Шпенглер ограничил ницшеанскую волю к власти (понимаемую им как родовое свойство человека) рамками западной цивилизации, представив ее коренной чертой западной культуры и основой западной жизни с ее «неумной страстью к обладанию». Ницшеанский идеал «белокурой бестии» Шпенглер относил не к будущему, а называл «хищно-кошачьим резонансом» великих немецких завоевателей. Он пишет об «этом чудовищных проявлений власти и воли наших государств, хозяйственных сил и нашей техники» (Шпенглер, 1993: 497). «Воля к власти в цивилизованно-интеллектуальном, этическом или социальном виде» стала, по Шпенглеру, «единственной и исконнейшей темой» *«действительной философии XIX века»* (там же: 564). Даже этический социализм он считал системой воли к власти. Примером западного волевого человека предстает у Шпенглера Наполеон (уместно вспомнить уничижительную оценку, данную Бонапарту Л. Н. Толстым в «Воине и мире»).

В одной обойме с волей к власти Шпенглер использует понятия «сила» и «пространство». Догмат силы подчеркивается как в природе, так и в истории общества, а стремление к пространственной экспансии отождествляется с волей к власти. «Мы увидим, что идентичность пространства и воли выражается в деяниях Коперника и Колумба почти что так же, как и в деяниях Гогенштауфенов и Наполеона — покорение мирового пространства» (там же: 491). Это зафиксировано и в философии. Кантовское «пространство как априорную форму созерцания» трудно понять человеку незападной культуры, поскольку оно «означает *притязание души господствовать над чужим*» (там же). Так соединяются воля к власти и стремление к пространственной экспансии: первое направляет второе и реализуется через него. Напротив, от-

сутствие в античном искусстве (и в традиционной русской иконописи) перспективного заднего плана означает, по Шпенглеру, слабость воли и притязания господства над миром.

По мнению Шпенглера, «...фаустовская культура была в сильнейшей степени направлена на *расширение*, будь то политического, хозяйственного или духовного характера; она преодолевала все географически-материальные преграды; <...> наконец, она превратила земную поверхность в одну колониальную область и хозяйственную систему» (там же: 522). И если пока еще не всю, то пытается это сделать. Тут соединились в один клубок цивилизационные (мотивы воли к власти и пространственная экспансия), экономические (капитализм) и политические (идеология либерализма) причины. По Шпенглеру, либеральная идеология подобна лицемерной маске, которая скрывает истинное лицо воли к власти (Афанасьев, 2009: 114–116). В фундаменте лежат причины цивилизационные, на них зиждутся экономические и политические, а помогают осуществлению этого либералы как пересаженные на туземную почву западные идеологи, облегчающие захват мира Западом (Горелов, 2013: 70–90).

Продолжим цитату. «То, чего от Мейстера Эххарта до Канта взыскивали все мыслители — подчинить мир, “как явление”, властным притязаниям познающего Я, — то же от Оттона Великого до Наполеона (добавим Гитлера. — А. Г., Т. Г.) делали все вожди. Безграничное было *исконной* целью их честолюбия... и тот самый империализм, из-за которого сегодня ведется далеко еще не законченная мировая война» (Шпенглер, 1993: 522). Шпенглер имеет в виду Первую мировую войну, но эти слова вполне подходят к нашему времени, 100 лет спустя, поскольку структура личности фаустовского человека остается агрессивно-потребительской со всеми вытекающими последствиями.

В период цивилизации возникает масса как четвертое сословие. Эти «принципиально отвергающие культуру <...> новые кочевники мировых столиц <...> Масса — это конец, радикальное ничто» (Шпенглер, 1998: 377), предвестник гибели цивилизации. Масса создается цивилизацией как ее могильщик.

Так как в основе фаустовского человека лежит воля к власти, то «*политика в высшем смысле — это жизнь, и жизнь — это политика*» (там же: 354). Политика становится глобальным делом, как и война становится глобальной. «Всякий человек, желает он того или же нет, оказывается соучастником этих противоречивых событий, будь то как субъект или же объект: третьего не дано» (там же).

Фауст как ученый — «великий символ подлинной изобретательской культуры» (там же: 533). Экспериментальная наука — это «ведущийся с *пристрастием* вопрос природы при помощи рычагов и винтов» (там же). Исследование становится «инквизицией», а знание — силой, что «имеет смысл лишь внутри европейско-американской цивилизации. <...> великий рассудочный миф энергии и массы <...> набрасывает картину мира так, что ею можно *воспользоваться*. <...> все эти учения <...> дорастают тем самым до морали целесообразности, которая очевидна американскому бизнесмену и английскому политику точно так же, как немецкому прогрессивному мещанину...» (там же: 322–323).

И тут «над всеми этими людьми нависает и подлинно фаустовская опасность того, что к этому приложил свою лапу черт, чтобы отвести их духовно на ту гору, где он обещает им все земное могущество» (там же: 533). Сравниться с Богом с помощью изобретения вечного двигателя и прочих достижений научно-технического прогресс-

са — вот к чему приводит готическая устремленность вверх. Но дальше следует закат Европы, выпадающей, по Шпенглеру, на первые века ближайшего тысячелетия. Он уже начался.

ЗАПАД И РОССИЯ

В плане нашей темы интерес представляет сравнение западной культуры с русской. Шпенглер уделяет русской культуре в своей книге лишь несколько страниц, рассеянных по двум томам. Тем не менее он, как и Н. Я. Данилевский, уверенно заявляет о коренных отличиях этих двух культур. Исконная русская душа, пишет Шпенглер, судя по сопоставлению народных сказаний об Илье Муромце с западными сказаниями об Артуре и Нибелунгах, неизмеримо отлична от фаустовской. «Русская безвольная душа, прасимволом которой предстает бесконечная равнина, самоотверженным служением и анонимно тщится затеряться в горизонтальном братском мире. Помышлять о ближнем, отталкиваясь от себя, нравственно возвышать себя любовью к ближнему, каяться ради себя — все это выглядит ей знаком западного тщеславия и кощунством, как и мощное взыскание неба наших соборов в противоположность уставленной куполами кровельной равнине русских церквей» (Шпенглер, 1993: 489).

Не зная, по-видимому, про русский космизм как специфическое направление русской культуры, приведшее к запуску в СССР первых спутников и человека в космос, Шпенглер утверждает, что русский «просто не видит звезд; он видит один только горизонт. Вместо небесного купола он видит небесный откос. Это есть нечто, образующее где-то вдали с равниной горизонт» (Шпенглер, 1998: 307). То, что мы называем широтой русского национального характера, Шпенглер снижает до равнинности. «Русская “воля” ... значит прежде всего отсутствие должностования, состояние свободы, причем не для чего-то, но от чего-то, и прежде всего от обязанности личного деяния» (там же).

Равнинность русской души Шпенглер связывает со слабостью воли. Здесь параллель представлению русской философии (и особенно ярко у Н. А. Бердяева) о «женской душе» русской культуры (Бердяев, 1992: 299). Противопоставляя западный индивидуализм коллективизму и соборности русского национального характера, Шпенглер утверждает: согласие русских безлично и «осуждает “Я”, как грех, а равным образом таково и — подлинно русское — понятие правды как безымянного согласия призванных» (Шпенглер, 1993: 490). Для русского «все виноваты во всем». Представление преступника как несчастного — «это полнейшее отрицание фаустовской персональной ответственности. <...> Мистическая русская любовь — это любовь равнины, любовь к таким же угнетенным братьям...» (Шпенглер, 1998: 307).

Мы интересуемся Западом, потому что в русской цивилизации есть стремление объять мир и заключить его в братский союз, а у западной цивилизации этого нет — мы для них «чужое» и «чуждое», которое надо завоевать. Фауст продал душу дьяволу за власть над миром. В противоположность фаустовской техногенной цивилизации «русский со страхом и ненавистью взирает на эту тиранию колес, проводов и рельсов, и если сегодня и в ближайшем будущем он с такой неизбежностью мирится, то когда-нибудь он сотрет все это из своей памяти и своего окружения и создаст вокруг себя совершенно другой мир, в котором не будет ничего из этой дьявольской техники» (там же: 536).

Колонизация славянских земель немцами как стратегическое устремление на Восток началась еще 1000 лет назад с самого рассвета фаустовской культуры и продол-

жается по сю пору. Русский отвечает или сопротивлением или вдруг обнаруживает «готовность сделаться добычей других, которые от войны *не* отказываются. Начинается все желанием всеобщего примирения, подрывающим государственные основы, а заканчивается тем, что никто пальцем не шевельнет, пока беда затронула лишь соседа» (там же: 463). Шпенглер здесь как бы описывает отказ в конце XX в. СССР и затем России от гонки вооружений и сдачу своих союзников, в результате чего Запад вплотную подошел к границам сжавшейся территории страны. У немецкого ученого есть возможное объяснение случившегося. «С русским состраданием, типа сострадания Раскольникова, дух исчезает в братской массе; с фаустовским он выделяется на ее фоне» (Шпенглер, 1993: 535).

Воля к власти связана у Шпенглера со стремлением к деньгам как обеспечивающим ее. Русский же человек «воспринимает мышление деньгами как *грех*. <...> здесь юное человечество, для которого вообще *нет еще никаких денег*» (Шпенглер, 1998: 528). Действительно, русская культура мыслит деньгами не как силой, энергией, способом обеспечения власти, а только как средством существования и выживания. Поэтому у нас их никогда не будет слишком много. По Шпенглеру, русские «всем центром тяжести своего существа пребывают вне экономики и политики, как и вне всех прочих фактов “этого мира”» (там же: 501), и оказываются в одной группе магических культур вместе с первохристианами и Диогеном (о русском нестяжании и странничестве писали многие русские философы). «Поэтому и избирают такие люди добровольную бедность и странничество и укрываются в монашескую келью и кабинет ученого» (там же).

В концепции Шпенглера большое значение имеет понятие псевдоморфоза, взятое им из геологии и перенесенное на взаимодействие культур. Это естественно-научное понятие определенным образом связано с тем, что, подчеркивая субъективный момент данного явления, В. С. Соловьев называл национальным самоотречением, а Н. Я. Данилевский — духовным самопожертвованием. Шпенглер впервые обозначил проблему негативных воздействий культур друг на друга, портящих блаженную картину непрерывного всемирно-исторического прогресса, в котором ничего не пропадает. Заметим, что негативное воздействие сейчас грозит всем культурам мира от западной цивилизации, а особенно русской культуре.

Немецкий ученый сравнивает отношение России к Европе с отношением первохристиан к Риму и вообще ко всей античной культуре, и это сопоставление симптоматично. Полагая, что русская культура отстает от западной, Шпенглер пишет: «В царской России не было никакой буржуазии, вообще никаких сословий в полном смысле слова, но лишь крестьяне и “господа”, как во Франкском государстве» (там же: 199). Суть русского псевдоморфоза, по Шпенглеру, в том, что высшее «общество было западным по духу, а простой народ нес душу края в себе» (там же). Противоположность западного общества и народа олицетворяют, по Шпенглеру, две «жертвы псевдоморфоза» — Достоевский и Толстой, где Достоевский был «крестьянин», а Толстой — «человек из общества мировой столицы». Слова Ивана Карамазова о Европе как кладбище, которые цитирует немецкий философ, перекликаются с главным его выводом о закате Европы. Хоть Шпенглер и считает русскую культуру псевдоморфозом, но полагает, что к уровню «Анны Карениной» никто даже близко не подошел, а о Достоевском пишет, что его Христос, «которого он неизменно желал написать, сделаться бы подлинным Евангелием» (там же: 201). Христианство Достоевского принадлежит, по Шпенглеру, будущему тысячелетию.

Немецкий ученый выделяет три этапа развития русской культуры. В Московскую эпоху старорусская партия неизменно билась против друзей западной культуры, а «с основанием Петербурга (1703) следует псевдоморфоз, втиснувший примитивную русскую душу вначале в чуждые формы высокого барокко, затем Просвещения, а затем — XIX столетия» (там же: 197). России грозит участь стать объектом в истории чужой культуры, у которого более нет души, а стало быть, и собственной истории.

Арабская культура избавилась от псевдоморфоза с возникновением ислама. Русская революция 1917 г. была восстанием против псевдоморфоза, и Шпенглер высоко оценивает будущее ставшей независимой русской культуры, решающим для которой должно было стать XX столетие. Данный прогноз отчасти осуществился. Советский Союз стал сверхдержавой. Но в конце XX в. произошло то, что Шпенглер мог бы назвать рецидивом псевдоморфоза. Это было следствием желания российской элиты сделать Россию похожей на Европу. Западная цивилизация ответила на это стремлением ослабить и добить Россию, что вызывает подъем патриотических чувств в русском народе.

Здесь открывается очень важная и опасная для России особенность культуры. «В истории всех культур всегда наличествовал антинациональный элемент» (там же: 190) как чистое, направленное само на себя мышление, чуждое жизни и истории, невоинственное и безрасовое. Судьба нации определяется тем, насколько успешно она будет бороться с антинациональным элементом и насколько она лишит его действительности в историческом плане. Если нет, то это *«означает сход нации со сцены внутри истории, и не в пользу вечного мира, но в пользу других наций»* (там же: 191). Добавим: и не в пользу горбачевского «нового мышления». Национальное самоотречение русского народа резко понизило его жизненную силу и способность к сопротивлению даже в демографическом смысле, и надо поднимать народный дух, если мы хотим сохранить свое существование в истории.

Хотя адекватное постижение духа другой культуры затруднено, интересно сопоставить взгляды Шпенглера и Данилевского, тем более что первый в своей книге не ссылается на второго, возможно, потому, что немецкий перевод книги Данилевского «Россия и Европа» вышел в 1920 г., а значит, уже после публикации «Заката Европы» (Свасьян, 1993: 18).

Оба мыслителя следовали концепции циклического развития культуры. И тот и другой критиковали эволюционные представления, хотя противоречия между сторонниками линейного и циклического развития можно преодолеть с помощью гегелевской диалектики. И Шпенглер, и Данилевский полагали, что Запад и Россия представляют собой различные культуры, обреченные на «планомерное непонимание» друг друга (Горелов, 2015). Шпенглер видит чуждость России и Запада даже в отношении к науке. «Основная идея дарвинизма представляется истинному русскому столь же нелепой, как основная идея коперниканской системы — истинному арабу» (Шпенглер, 1993: 153). Отметим, что Коперник, рассматриваемый Шпенглером в качестве одного из столпов западной культуры, — славянин.

И Шпенглер, и Данилевский считают русскую культуру более юной по сравнению с западной и пророчат ей великое будущее. Они сходно определяют коренную черту западной и русской культуры, но так как своя культура каждому из них ближе и дороже, то насильственность как коренную черту западной культуры, по Данилевскому, Шпенглер смягчает до воли к власти, а терпимость как главную характеристику рус-

ской культуры (но также и греческой, вообще античной культуры), противопоставляя, как и Данилевский, стремлению к господству, снижает до безвольности. Кстати, крупнейший историк XX в. А. Тойнби называет западную цивилизацию агрессором, а другие современные цивилизации — ее жертвами. «Русские считают себя жертвой непрекращающейся агрессии Запада, и, пожалуй, в длительной исторической перспективе для такого взгляда есть больше оснований, чем нам бы хотелось» (Тойнби, 1996: 106).

Данилевский говорит преимущественно о чуждости Европы к России, а Шпенглер, наоборот, о чуждости и даже ненависти России к Европе, приводя в подтверждение слова славянофилов. Но, например, у западников можно найти цитаты, совершенно противоположного смысла, что объяснимо, впрочем, псевдоморфозом русской культуры, произошедшим в постпетровское время. Именно псевдоморфоз разделил, на наш взгляд, русское образованное общество на западников и славянофилов, что не известно другим культурам. А вот упоминавшийся выше А. Тойнби в более объективном плане утверждает, что Россия и Запад «всегда были чужды друг другу, антипатичны и часто враждебны» (там же: 157).

Вслед за Данилевским Шпенглер считает, что «нация, поскольку она живет и борется, обладает государством» (Шпенглер, 1998: 378), но особенности этого государства определяются спецификой данной нации. «Не существует никакого лучшего, истинного, справедливого государства, которое было бы спроектировано и когда-либо осуществлено. <...> такие слова, как “республика”, “абсолютизм”, “демократия”, означают в каждом случае нечто иное и делаются фразой, стоит только, как это чаще всего у философов с идеологами и бывает, попытаться их применять как понятия, установленные раз и навсегда» (там же: 389).

Отметим в заключение данного раздела, что люди, относящиеся к различным культурам, могут иметь (как Данилевский и Шпенглер) сходные взгляды по некоторым основополагающим вопросам и вряд ли это можно всецело объяснить псевдоморфозом культур.

ЗАКАТ ЕВРОПЫ КАК СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЗАПАДНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Цивилизацию как последнюю стадию развития культуры характеризуют «космополитизм вместо “отчизны”, холодный фактический смысл вместо благоговения перед преданием и старшинством... “общество” вместо государства, естественные права вместо приобретенных. *Деньги* как неорганическая, абстрактная величина, оторванная от всех связей со смыслом плодородной почвы, с ценностями исконного жизненного уклада...» (Шпенглер, 1993: 166).

Именно в фазе цивилизации с ее практическим духом появляется единый центр — город. «Вместо мира — *город*, некая *точка*, в которой сосредотачивается вся жизнь далеких стран, между тем как оставшаяся часть отсыхает; вместо являющего многообразие форм, сросшегося с землей народа — новый кочевник, паразит, обитатель большого города, чистый, оторванный от традиций, возникающий в бесформенно флюктуирующей массе человек фактов, иррелигиозный, интеллигентный, бесплодный, исполненный глубокой антипатии к крестьянству...» (там же: 165).

На общие особенности развития цивилизации как последней стадии любой культуры в западной цивилизации накладываются ее специфические черты — воля к власти и стремление к территориальному и финансовому успеху. Все стороны жизни свя-

заны воедино как происходящие из одного источника — души культуры. «Политика и торговля <...> являются заменой войны другими средствами» (Шпенглер, 1998: 503), — переиначивает Шпенглер К. Клаузевица. Он согласен с К. Марксом, что борьба и жизнь — в глубине одно и то же.

Все моральные аспекты отходят при этом на второй план. Прирожденный государственный деятель находится по другую сторону истины и лжи. Вслед за Гете, сказавшим, что «деятель всегда бессовестен, совесть есть лишь у одного наблюдателя», Шпенглер впадает в макиавеллизм. Поведение деятеля определяет не религиозная мораль, а «катехизис успеха»: «*Это жизнь* бессовестна, а не отдельный человек» (там же: 469). Точнее, и жизнь, и человек. Ну а если правитель попробует отказаться от аморального детерминизма, то «идеализм реакционный и демократический <...> готовят нации, властью над которой обладают, неминуемое крушение, а после этого безразлично, была ли нация принесена в жертву воспоминанию или понятию» (там же). Это Шпенглер как будто говорит первому и последнему президенту СССР М. С. Горбачеву, если верить в искренность действий последнего.

Целью дипломатии и военного искусства является «рост собственной жизненной единицы, сословия или нации, за счет других. И всякая попытка исключить этот расовый момент приводит лишь к его переносу в другую сферу: из межгосударственной сферы он перемещается в межпартийную, межландшафтную, или же, если воля к росту угасает также и здесь, — возникает в отношениях между свитами авантюристов, которым добровольно покоряется остальное население» (там же: 467). Почти подобное этому мы проходили в России в «лихие» 1990-е.

Цивилизация характеризуется выходом на историческую арену масс. При этом возрастает роль СМИ, с помощью которых народы удерживаются в руках правящего меньшинства. «Печатное слово становится чудовищным оружием в руках того, кто с ним умеет обращаться. <...> *Кампания в прессе* возникает как продолжение (или расширение) войны иными средствами, и ее стратегия — все эти бои сторожевых охранений, отвлекающие маневры, внезапные нападения, штурмы — отшлифовывается в течение XIX в. до такой степени, что война может быть проиграна еще до того, как раздался первый выстрел, потому что ее к этому времени выиграла пресса» (там же: 490–491). Такова информационная война в изложении Шпенглера, который называет прессу «духовной артиллерией».

Печать становится средством власти. Одним из приемов является замалчивание нежелательных мнений. На место костров, по словам Шпенглера, приходит «великое молчание». «...Пресса служит тому, кто ею владеет. Она не распространяет “свободное мнение”, но его создает» (там же: 428), и доводы прессы остаются непроверяемыми до тех пор, пока выделяются деньги на то, чтобы их повторять.

Как английская королевская власть в XIX в., так и парламент Великобритании в XX в. становится пышным и пустым спектаклем, а власть, по мнению Шпенглера, перемещается из парламентов в частные круги, и выборы вырождаются в комедию. «Деньги организуют весь их ход в интересах тех, у кого они имеются, и проведение выборов становится заранее оговоренной игрой, поставленной как народное самоопределение» (там же: 494). Так приходит конец демократии.

Воля к власти способствовала развитию техники как средства воздействия на природу. Фаустовская техника уже на заре готики набросилась на природу, чтобы сделать ее рабыней и эксплуатировать. Знание рассматривается как сила, желающая «управлять» миром по своей воле» (там же: 532). Земной шар приносится в жертву

фаустовскому мышлению, и именно западная цивилизация порождает экологический кризис. Шпенглер кончает свою книгу главой о машинной технике, что соответствует определению нынешнего времени как компьютерного века. «Машина воспринималась как что-то дьявольское, и не напрасно. В глазах верующего человека она означает ниспровержение Бога» (там же: 535).

Шпенглер утверждает тесную взаимосвязь экономики и политики как двух сторон одного целого, причем политический момент — безусловно определяющий. Экономическая жизнь выстраивается в пирамиду, в основании которой крестьянское хозяйство, а выше — городская и затем мировая экономика с ее транснациональными корпорациями. В деревне главный материальный ресурс — «добро», в городе — «деньги». Постепенно деньги отслаиваются от добра и начинают довлеть над всем. «В действительной же жизни города независимым можно быть только через деньги», в которых находит «свое концентрированное выражение воля к господству» (там же: 515).

Буржуазные революции вели к власти денег, никакими ценностями не сдерживаемыми, в том числе материальными, т. е. к вторичному финансовому капиталу. Шпенглер берет слово «деньги» в кавычки, потому что в отличие от реальных денег, имеющих эквивалент материальных ценностей, вторичные деньги представляют собой ничем не обеспеченное «ничто», на которое можно купить «все». Чтобы сделать деньги средством осуществления, власти, их нужно эмансипировать, как называет это Шпенглер, т. е. разорвать их связь с материальными ценностями, которые конечны. Это и произошло в современной экономике. Создание не обеспеченных материальными ценностями денег Шпенглер назвал «деньготворчеством». Деньги и организации, в которых они циркулируют, из средства существования преобразуются в самостоятельную силу и за счет этого управляют миром. Великие состояния Шпенглер сравнивает с королевствами. «Чем большим становилось богатство, которое могло сконцентрироваться в руках отдельных лиц, тем в большей степени борьба за политическую власть преобразовывалась в вопрос денег» (там же: 487), а демократия стала полным уравниванием денег и политической власти. Шпенглер ставит знак равенства между демократией и плутократией. «Они относятся друг к другу, как желание — к действительности, теория — к практике, познание — к успеху» (там же: 425–426).

По Шпенглеру, заключительной политической стадией развития западной цивилизации будет отказ от демократии в пользу диктатуры (цезаризма, как произошло в Древнем Риме). Он считал, что данный процесс уже начался, имея в виду Третий рейх (Гергилов, 2007: Электронный ресурс), тем самым переводя западную цивилизацию на инволюционную направленность развития. В наше время усиление диктатуры связано с формированием Сверхвласти, которая «аккумулирует в себе высший контроль над всеми аспектами общества, включая всю его систему власти» (Зиновьев, 2007: 242), центр которой находится в США. Данные цели США и стоящей за ними Сверхвласти не афишируются, но осуществляются втайне от остального мира.

Заключительной же экономической стадией будет власть денег, не связанных с первичной экономикой и наличными материальными ресурсами. Современная мировая экономика — это, по Шпенглеру, исключительно западная экономика, что после разрушения СССР с возможной поправкой на Китай снова стало верным, как и в начале XX в. Деньги побеждают, поскольку «лишь мир высших финансов *совершенно* свободен, совершенно неуловим. <...> Однако тем самым деньги подходят к концу своих успехов и начинается последняя схватка, в которой цивилизация принимает

свою завершающую форму: схватка между *деньгами и кровью*. <...> Деньги будут преодолены и упразднены только кровью» (Шпенглер, 1998: 537–538).

Шпенглер пишет о времени «упадка», «первых заморозков», заката жизни и о «метафизическом повороте к смерти». Он говорит о *«бесплодии цивилизованного человека»*, и это верно не только иносказательно, но и буквально. «Всеобщий страх перед действительностью», возникающий у людей естественно-органического, крестьянского склада вместе с невозвратимой утратой чувства мира, рассматривается Шпенглером как страх человека, отрезанного от своей естественной жизненной почвы» (Мёккель, 2007: 171). И такая оторванность от духовной почвы закладывает разнообразные отклонения — сексуальные, субкультурные и связанные с потреблением психотропных препаратов и наркотиков — и стимулирует образование групп, «меньшинств», не по традиционным критериям родства и местообитания, а по сходству отклонений от нормы. Так внутренняя духовная пустота и однородная «массовидность» сознания цивилизованного человека компенсируются внешним разнообразием девиантных форм поведения. И это не способствует росту духовного потенциала культуры. Таким образом, черты «заката» культуры видны как в духовной сфере, так и в утрате возможностей физического воспроизводства.

Схематически идея заката Европы предстает в таком виде: становление цивилизации → создание масс → демократия → плутократия → диктатура → голос крови → гибель западной цивилизации.

Если не заглядывать так далеко, как Шпенглер, оставляющий для личности лишь свободу свершить необходимое, то мы переживаем ныне тот исторический момент, в который глобальный неокOLONIALИЗМ стремится одержать победу над человеком и миром, и верим, что этого не произойдет и что воля к свободе и справедливости победит волю к власти.

ЗАКАТ МИРА КАК «КОНЕЦ ИСТОРИИ»

«Закат Европы» называют самой своевременной книгой эпохи. Это книга-предостережение. Закат Европы несет разрушительные войны, возрастающий примитивный характер политических форм, внутренний распад наций и превращение их в бесформенное население, обобщение последнего в империю, постепенно вновь приобретающую примитивно-деспотический характер, медленное воцарение первобытных состояний в высокоцивилизованных жизненных условиях. На эти предсказания накладываются реалии эпохи глобализации. Цивилизация ныне поднялась на глобальный уровень, что грозит всему миру под напором западной цивилизации погружением в хаос. По отношению к «мировой (если не глобальной) столице», которая становится единой метрополией, все остальные города и веси — уже не просто провинция, а одна планетарного масштаба колония нового типа. Свою гибель Запад пытается отдалить путем завладения ресурсами всей планеты и эксплуатации всех народов. До гибели Европы, по Шпенглеру, еще несколько столетий, хотя некоторые ученые считают, что история ускоряется в своем беге. Немецкий ученый советует предпочесть лирике и живописи занятие военно-морским делом как более соответствующим эпохе заката. Но тем самым гибель цивилизации может только приблизиться.

Закат Европы не означает отсутствия достижений и прелестей. Он может быть очень красивым. Книга Шпенглера вышла сразу же после Первой мировой войны. Вахханалии организованного убийства как раз помогли такие достижения цивилиза-

ции, как мощные орудия, танки, самолеты и ядовитые газы. Через четверть века вспыхнула Вторая мировая война — еще один, как его назвали, «обширный инфаркт» Европы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Силовое поле современного капитала охватывает всю Землю. Из воли к власти, вторичной экономики денег и всемирной политической диктатуры возникает грандиозное здание, которое создает Запад вместе со странами, подчинившимися его цивилизации. «Если представить, что весь мир сделался одной-единственной империей, это всего-навсего максимально расширило бы сцену для героических деяний таких завоевателей» (Шпенглер, 1998: 192). Эту единственную империю и пытаются создать США огнем и мечом. Как только созрела объективная возможность глобализации, так Запад предпринял посредством глобальной гибридной войны с ее апофеозом разрушения планеты попытку построения системы глобального неокOLONIALИЗМА. Как Первая мировая война стал одним из признаков заката Европы, так нынешняя глобальная война становится признаком заката мира.

Цель фаустовской души — всеобщее преобразование не только земли (природы), как хотел гетевский Фауст, но и социальной действительности вместе с ее народами, что предполагает лишение их самостоятельности, а то и жизни, если они начнут сопротивляться данному преобразованию. Под руководством единственной сверхдержавы в условиях отсутствия противовеса гибнут государства и на их месте воцаряется хаос, а толпы беженцев устремляются в благополучную пока Европу, чтобы обеспечить себе нормальное существование. Политики вопрошают, обращаясь с трибуны ООН к тем, кто создает этот хаос, с восклицаниями: «Вы хоть понимаете теперь, что вы натворили?!» и «Скажите нам, что вы хотите?»

Возникла ситуация «управляемого хаоса», который осуществляют США, чтобы добиться своих целей, хотя управлять хаосом невозможно в принципе, что и подтверждает ситуация в Афганистане, Ираке, Ливии, Сирии и других государствах, ставших объектами американской агрессии. Перенесет ли мир начавшуюся глобальную войну или она предстанет апокалипсисом? Мы видим, что все «победы» США оборачиваются неожиданными последствиями усиления «Аль-Каиды», ИГИЛ, гражданской войны на Украине и потоками беженцев, от которых ЕС начинает трещать по швам. Это ли не плата за волю к власти и карма истории?

Своими якобы «общечеловеческими» ценностями, которые на самом деле ценности только его цивилизации, Запад пытается расшатать и уничтожить ценности других цивилизаций, которые обеспечивают их существование, и тем самым сломить их волю к сопротивлению. Этому служит аргумент Б. Обамы с трибуны 70-й сессии ООН 28 сентября 2015 г. о том, что американцы стали самыми сильными в мире благодаря капитализму и демократии и другие народы, если они хотят также стать сильными, должны руководствоваться данными ценностями. Для Шпенглера этот аргумент показался бы демагогической уловкой, так как он считал, что верой в реальную мощь и авторитет данного государства «должны проникнуться даже его противники» (там же: 387). Призвав все страны мира переориентировать свои культуры в русло западной цивилизации, Обама предложил им совершить, в терминологии Шпенглера, глобальный псевдоморфоз, отказавшись от свободного развития в собственных интересах. Если так произойдет, то это должно в соответствии с концепцией Шпенглера привести к двум последствиям: во-первых, самоубийству всех культур мира, кроме за-

падной, а во-вторых, к закату уже не только Европы, но и мира в целом. Данную возможность немецкий ученый не предусмотрел, поскольку в начале прошлого века еще не наступила эпоха глобализации, но сейчас такая опасность существует и предсказанный Ф. Фукуямой «конец истории» грозит уже не в переносном, а в прямом смысле. Закат Европы, доведенный до заката мира, переключается с «концом истории» как творческого становящегося целого. В эпоху цивилизации все застывает, превращается в ставшее. Цивилизованный стиль представляет собой, по Шпенглеру, «выражение окончательности».

Идет глобальная экспансия фаустовского начала, считающего, что успех — это право сильного, становящееся правом для всех (там же: 381). Налицо яркий пример осуществления Западом воли к власти в условиях как бы чистого социального эксперимента, который история дала возможность провести, когда Советский Союз пошел на национальное самоотречение, подтвердившее правоту слов немецкого гения: «...если в потоке событий народ действительно лишится всякого руководства, это означает лишь то, что его руководство переместилось вовне, что он как целое сделался объектом» (там же: 468). Но зачем русской цивилизации становиться сырьевым придатком и этнографическим материалом закатывающегося Запада?

«Народ формирует историю постольку, поскольку он находится в “хорошей форме”» (там же: 379). Русский народ после разрушения СССР находится в «плохой форме», и ему надо постепенно подниматься и заниматься государственным строительством, если он хочет нормально существовать. Негативные последствия национального самоотречения 1991 г. можно подтвердить такой фразой Шпенглера: «Мир фактов беспощадно ступает по идеалам, и если когда бы то ни было случилось, что человек или же народ ради справедливости отказывался от сиюминутного могущества, то хоть в том, втором мире мыслей и истин им несомненно и бывала обеспечена теоретическая слава, так же несомненно было для них и наступление мгновения, когда они оказывались побеждены другой жизненной силой, лучше их разбиравшейся в реальности» (там же: 381).

С этой точки зрения наша нынешняя борьба в Сирии — это естественный ответ не только на современный терроризм, но и на агрессию Запада. Напрашивается вопрос: может ли новое нынешнее переселение народов отсрочить или даже отменить закат Европы или, наоборот, оно ускорит его? Аналогия с переселением народов в позднеантичное время позволяет заключить, что если и может отсрочить, то не предотвратить. В Европе могут появиться новые цивилизации, так же не похожие на нынешнюю, как последняя не похожа на античную цивилизацию. Но для нас гораздо важнее судьба России, пониманию которой помогают великие мыслители прошлого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Афанасьев, В. В. (2009) Социология политики Освальда Шпенглера. М. : КДУ. 192 с.
- Бердяев, Н. А. (1992) Душа России // Русская идея / сост. и вступ. ст. М. А. Маслин. М. : Республика. 496 с. С. 295–312.
- Гергилов, Р. Е. (2007) Шпенглер и Третий рейх [Электронный ресурс] // Новый исторический вестник. №1 (15). URL: http://ninvestnik.ru/2007_1/05.shtml [архивировано в WebCite] (дата обращения: 16.09.2015).
- Горелов, А. А. (2013) Глобальный неокOLONIALИзм и русская идея. М. : ЛЕНАНД. 256 с.
- Горелов, А. А. (2015) Концепция культурно-исторических типов Н. Я. Данилевского и современная социально-политическая реальность // Знание. Понимание. Умение. №4. С. 53–62. DOI: 10.17805/zpu.2015.4.5

- Зиновьев, А. А. (2007) Запад. М. : Алгоритм ; ЭКСМО. 512 с.
- Мёккель, К. (2007) Диагностика кризиса: Гуссерль против Шпенглера // Логос. №6 (63). С. 147–175.
- Ницше, Ф. (1990) Соч. : в 2 т. М. : Мысль. Т. 2. 833 с.
- Свасьян, К. А. (1993) Освальд Шпенглер и его реквием по Западу // Шпенглер, О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность / пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна. М. : Мысль. 663 с. С. 5–122.
- Тойнби, А. Дж. (1996) Цивилизация перед судом истории. М. ; СПб. : Прогресс-Культура ; Ювента. 480 с.
- Шопенгауэр, А. (1992) Собр. соч. : в 5 т. / сост., вступ. ст., прим. Б. К. Чанышева. М. : Московский клуб. Т. 1. Мир как воля и представление. 395 с.
- Шпенглер, О. (1993) Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность / пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна. М. : Мысль. 663 с.
- Шпенглер, О. (1998) Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 2. Всемирно-исторические перспективы / пер. с нем. и примеч. И. И. Маханькова. М. : Мысль. 606 с.

Дата поступления: 12.11.2015 г.

*OSWALD SPENGLER'S DECLINE OF THE WEST
AND A POSSIBLE DECLINE OF THE WORLD*

A. A. GORELOV

(INSTITUTE OF PHILOSOPHY, RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES),

T. A. GORELOVA

(MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES)

The article examines the predictive capability of cyclic development of culture as a concept advanced by Oswald Spengler in his “Decline of the West” (1918). This capability is tested against the contemporary dynamics of Western culture, its contact with Russian culture and the impact it has on global processes.

Every culture, according to Spengler, is self-contained, endowed with its own “soul” and “speaks its own language”. To make a people from individuals an internal form, or “soul principle”, is needed, something which have all the estates in the society possess. Contemporary culture of the West weaves together its civilizational causes (will for power and spatial expansion), economic (capitalism) and political (liberal ideology) causes.

Unlike the expansionist and power-hungry Western culture, the soul of the Russian culture, according to Spengler, is akin to the Russian plains and devoid of will. The Russian version of freedom (volya) is “a freedom from something”. “The soul principle” of Russian civilization is to embrace the world like a brother. This brotherly union stands in contrast to the Western principle of subjugation and conquest. As one culture exerts pressure on another, imposing alien values and traditions onto it, a crucial stage begins in the history of the nation being subdued. If it manages to overcome antinational elements, it grows stronger; otherwise it becomes a pseudomorphic, weak copy of the dominating culture.

Contemporary Europe has achieved the final stage of cultural “aging” — a technogenic civilization. It threatens with “decline” of both Europe and the world as the expansion and aggression of the West have drawn all the peoples of the world into its orbit and made the planet a global neocolony.

Keywords: “Decline of the West”; O. Spengler; civilization; culture; people; Europe; Russia; expansion; neocolonialism

REFERENCES

- Afanasiev, V. V. (2009) *Sotsiologiya politiki Osva' da Shpenglera* [Oswald Spengler's sociology of politics] : A monograph. Moscow, KDU Publ. 192 p. (In Russ.).

Berdyayev, N. A. (1992) *Dusha Rossii* [The soul of Russia]. In: *Russkaia ideia* [The Russian idea] / comp. and foreword by M. A. Maslin. Moscow, Respublika Publ. 496 p. Pp. 295–312. (In Russ.).

Gergilov, R. E. (2007) *Shpengler i Tretii reikh* [Spengler and the Third Reich]. *Novyi istoricheskii vestnik*, no 1 (15). [online] Available at: http://nivestnik.ru/2007_1/05.shtml [archived in WebCite] (accessed 12.11.2015). (In Russ.).

Gorelov, A. A. (2013) *Global'nyi neokolonializm i russkaia ideia* [Global neocolonialism and the Russian idea]. Moscow, LENAND Publ. 256 p. (In Russ.).

Gorelov, A. A. (2015) *Kontseptsii kul'turno-istoricheskikh tipov N. Ia. Danilevskogo i sovremennaya sotsial'no-politicheskaya real'nost'* [N. Ya. Danilevsky's concept of cultural-historical types and the contemporary sociopolitical reality]. *Znanie. Poniimanie. Umenie*, no. 4, pp. 53–62. DOI: 10.17805/zpu.2015.4.5 (In Russ.).

Zinoviev, A. A. (2007) *Zapad* [The West]. Moscow, Algoritm Publ. ; Eksmo Publ. 512 p. (In Russ.).

Möckel, C. (2007) *Diagnostika krizisa: Gusserl' protiv Shpenglera* [The diagnostics of crisis: Husserl vs. Spengler]. *Logos*, no. 6 (63), pp. 147–175. (In Russ.).

Nietzsche, F. (1990) *Sochinenia* [Works] : in 2 vols. Moscow, Mysl' Publ. Vol. 2. 833 p. (In Russ.).

Svas'ian, K. A. (1993) *Osvad' Shpengler i ego rekviem po Zapadu* [Oswald Spengler and his requiem for the West]. In: Spengler, O. *Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoi istorii. 1. Gesbtal't i deistvitel'nost'* [The decline of Europe. Outlines of a morphology of world history. Vol. 1: Gestalt and reality] / transl., foreword and notes by K. A. Svas'ian. Moscow, Mysl' Publ. 663 p. Pp. 5–122. (In Russ.).

Toynbee, A. J. (1996) *Tsivilizatsiia pered sudom istorii* [Civilization on trial]. Moscow, Progress-Kul'tura Publ. ; St. Petersburg, Iuventa Publ. 480 p. (In Russ.).

Schopenhauer, A. (1992) *Sochinenia* [Works] : in 5 vols. / ed. by B. K. Chanyshv. Moscow, Moskovskii klub Publ. Vol. 1: *Mir kak volia i predstavlenie* [The world as will and representation]. 395 p. (In Russ.).

Spengler, O. (1993) *Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoi istorii. 1. Gesbtal't i deistvitel'nost'* [The decline of Europe. Outlines of a morphology of world history. Vol. 1: Gestalt and reality] / transl., foreword and notes by K. A. Svas'ian. Moscow, Mysl' Publ. 663 p. (In Russ.).

Spengler, O. (1998) *Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoi istorii. 2. Vsemirno-istoricheskie perspektivy* [The decline of Europe. Outlines of a morphology of world history. Vol. 2: Perspectives of world history] / transl. and notes by I. I. Makhan'kov. Moscow, Mysl' Publ. 606 p. (In Russ.).

Submission date: 12.11.2015.

Горелов Анатолий Алексеевич — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН. Адрес: 119842, Россия, г. Москва, ул. Волхонка, д. 14. Тел.: +7 (495) 697-91-28. Эл. адрес: evolepis@iph.ras.ru

Горелова Татьяна Анатольевна — доктор философских наук, профессор кафедры философии, культурологии и политологии Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, д. 5. Тел. +7 (499) 374-55-11. Эл. адрес: fylosofy@mosgu.ru

Gorelov Anatoly Alekseevich, Doctor of Philosophy, Chief Research Fellow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Postal address: 14 Volkhonka St., 119842 Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (495) 697-91-28. E-mail: evolepis@iph.ras.ru

Gorelova Tatyana Anatolievna, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy, Culturology and Politology, Moscow University for the Humanities. Postal address: 5 Yunosti St., 111395 Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (499) 374-55-11. E-mail: fylosofy@mosgu.ru